

В диссертационный совет 24.2.435.03 на базе
Юго-Западного государственного университета
по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки): Синяева Мария Ивановна. Возрастные показатели субъектов уголовно-правовых отношений. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2022.-227с. (с прилож.).

Демографическая ситуация в постсоветской России имеет ряд неблагоприятных характеристик — снижается рождаемость, а смертность растет, идет перманентное постарение населения, усиливается гендерный перекос и т.д. Самым серьезным образом на нее начинает влиять специальная военная операция, о которой, впрочем, в вышеназванной диссертации не говорится ни слова. Десятки тысяч мужчин трудоспособных возрастов уже погибли, еще большее число ранено, в том числе инвалидизировано.

Это напрямую влияет на криминальную активность всех возрастных групп, прежде всего на несовершеннолетних и престарелых. К тому же дефицит рабочей силы способствует притоку в страну молодых мужчин из ряда бывших союзных республик, многие из которых склонны нарушать правопорядок, а их дети нередко противопоставляют себя своим сверстникам в школах и даже детских садах, а равно в местах проведения подросткового досуга.

Конечно, эти и другие аспекты возрастных аспектов преступности не остались без внимания со стороны криминологов, правоведов, педагогов, психологов и психиатров, на что указывает сама соискательница (с. 5, 6 и др.). Однако степень разработанности темы явно недостаточна. Поэтому обращение к ней соискательницы следует признать своевременным и полезным как с доктринальной, так и с прикладной точек зрения.

Несомненна научная новизна данного труда, поскольку «комплексное исследование градаций возраста в отношении трех категорий лиц (субъект преступления, потерпевшие, иные лица) до настоящего времени не проводилось и целостная концепция показателей возраста, имеющим место в уголовном законодательстве, не сформирована» (с. 6).

Достоверность полученных результатов надежно обеспечена разнообразными методами исследования (с. 8, 9), развернутыми теоретической, нормативной и эмпирической базами (с. 8-10). Последняя включает, среди прочего, результаты изучения правоприменительных актов Верховного суда РФ и судов общей юрисдикции двух республик (в том числе Крым), Забайкальского края и десяти областей (с. 10 и далее по тексту).

Положения и выводы, содержащиеся в диссертации, в достаточной мере апробированы на научно-практических конференциях, в том числе международного уровня, а также оформлены в виде 21-й научной статьи, 10 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ (с. 27 — 30 автореферата).

Диссертация и ее автореферат написаны хорошим литературным языком, аккуратно оформлены. При этом последний дает адекватное представление о содержании основного текста.

Говоря более конкретно о позитивных сторонах настоящего труда, следует отметить следующее.

Убедительно аргументированы, а потому заслуживают одобрения и поддержки ряд основных положений, непосредственно вынесенных на защиту.

Это касается прежде всего:

- 2-го положения в части создания трех концептуальных схем: «субъект преступления, включающей в себя 9 градаций и 36 концептов; «потерпевший», имеющей 8 возрастных градаций и 36 концептов; «иные лица», объединяющей пять нормативных понятий и 2 возрастные градации (с. 12);

- 4-го положения, в котором отечественному законодателю рекомендуется

перенять опыт отдельных государств, установивших уголовную ответственность за хранение детской порнографии и обеспечивающих надлежащую уголовно-правовую охрану трудовых прав несовершеннолетних (с. 13);

- 6-го положения, предполагающего установление верхних возрастных границ уголовной ответственности пожилых и престарелых (с. 13,14);

- 8-го положения, закрепляющего, что «лица, не причастные к совершению преступлений в качестве виновных или потерпевших, нуждаются в более широкой защите их прав и законных интересов уголовно-правовыми средствами в силу их малолетнего либо преклонного возраста» (с.14). Это положение затем развито в специальном параграфе 4 главы II (с. 161-182).

Перечисленные и иные положения препарированы в нормативном плане в виде разумных рекомендаций законодателю. Среди них, депутатам Государственной Думы следует обратить первоочередное внимание на закрепление в законе достижения 70-летнего возраста, как смягчающего обстоятельства (с. 14) и повышение предельного возраста при назначении принудительных, обязательных и исправительных работ (с. 14, 15). К чести соискателя, последнее предложение, хотя и частично, уже реализовано Федеральным законом от 3 апреля 2023 г. № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 53¹ Уголовного кодекса Российской Федерации». Автору же этого отзыва пришлось ждать данного законодательного шага более четверти века!

В историческом очерке диссертации (параграф 1 и 2 гл. I) указывается на то, что российское уголовное законодательство XIX века позволяло несовершеннолетним преступникам воспользоваться «возрастным иммунитетом только один раз. Несовершеннолетний рецидивист подлежал наказанию по общему правилу» (с. 31).

Это разительно отличается в лучшую сторону от современной следственно-судебной практики, которая идет на попятную таким лицам многократно, по существу провоцируя нарушителя на продолжение и интенсификацию противоправной деятельности, прививая подростку комплекс вседозволенности и обре-

кая законопослушных граждан (прежде всего сверстников) на участь жертвенных животных. Кончается это, зачастую, совершением в отношении их тяжких и даже особо тяжких посягательств.

Столь же контрастным выглядит сравнение нынешнего резкого повышения пенсионных возрастов мужчин и женщин со сталинскими Указами от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работ на производстве и строительстве» и от 15 апреля 1942 года «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход мобилизованных с работы», которые устанавливали верхний предел уголовной ответственности в первом случае в 45 и 55 лет для женщин и мужчин, а во втором - 50 и 55 лет соответственно (с. 42).

Полезным представляется и введение в научный оборот статистических данных Судебного современного департамента при Верховном Суде РФ за период с 2015 по 2021 год о структуре подростковой преступности (с. 98, 99, а также Приложение 1 на с. 218).

Диссертация обладает и иными достоинствами, на которые, смеем надеяться, будет обращено внимание в других отзывах на ее текст и текст автореферата.

Вместе с тем, что совершенно естественно для научных работ любого уровня, она не свободна от некоторых упущений и спорных положений. Укажем на основные из них.

1. Неубедительной выглядит трактовка начального возраста наступления уголовной ответственности как двухступенчатой конструкции (с. 7, 13, 44, 87 и др.). Характерно, что *сама* соискательница указывает, что «уголовным законом предусмотрен более высокий возрастной показатель — 18 лет, поскольку специфика отдельных преступлений состоит в том, что они могут быть совершены лишь лицами достигшими совершеннолетия» (с. 95).

Другое дело, что российский законодатель весьма невнятно и противоре-

чиво определяет круг составов, включающих этот третий возрастной порог. Поэтому многие правоведы (а, вслед за ними и автор настоящей диссертации) безоговорочно относят к таковым составам воинские и должностные преступления (с. 95).

Между тем, изрядное количество подростков привлекается к военной службе (курсанты военных учебных заведений), а также к службе в силовых ведомствах (учащиеся вузов МВД и Росгвардии). Последние являются должностными лицами — представителями власти — о чем прямо указывается в их служебных удостоверениях.

Мало того, поскольку специальная военная операция на Украине уже приобрела затяжной характер, нельзя исключать призыва в Вооруженные силы юношей, не достигших 18-летнего возраста, подобно тому, как это было сделано в годы Великой Отечественной войны: осенью 1943 г. в ряды РККА были призваны более 700 тыс. юношей 1926 года рождения, а 25 октября 1944 года постановлением ГКО №6783сс был объявлен призыв юношей 1927 г.р. Изрядная часть из них сражалась не только на территории Советского Союза, но и при освобождении стран Восточной Европы, разгроме Германии и милитаристской Японии. Поэтому желательно воспринять опыт УК Узбекистана, на который указывается в настоящей диссертации — в части 4 ст. 17 этого Кодекса содержится *исчерпывающий* перечень составов преступлений «за совершение которых ответственность наступает только с 18 лет» (с.74).

По соображениям, высказанным выше, в этот перечень не должны попасть, вопреки мнению автора, ст. ст. 285, 286, 286¹ и ряд других УК РФ (см. с. 12, 64, 77, 95, 96, 97).

2. Мы не можем согласиться с мнением автора об отсутствии необходимости пересмотра величины начального порога возраста уголовной ответственности (с. 13). Приводимые же ею статистические данные о снижении преступности несовершеннолетних за последние 10 лет сразу на 54,39% (с. 180, 186) являются, несомненно, ложными, поскольку практически во всех школах, колле-

джах и некоторых вузах страны существует такое явление, как травля (т.н. «буллинг»), которое с точки зрения УК РФ должно квалифицироваться как истязание. Однако администрации обозначенных учебных заведений явно не заинтересованы в обнародовании подобных фактов, а курирующие их правоохранные структуры покрывают бездействие учителей и их руководства. Результат хорошо известен — нападение обиженных на своих обидчиков, педагогов и даже непричастных сотрудников и учеников вплоть до их массовых расстрелов. В ряде учебных заведений процветают сбыт психоактивных веществ, кражи и грабежи, вымогательства и даже насильственные действия сексуального характера, которые в своем большинстве, также остаются безнаказанными.

Позиция соискателя, к тому же, резко диссонирует с приводимым ею же данными о 8-летнем пороге уголовной ответственности в Швейцарии (с. 69), 11-летнем в Турции (с.70), 13-летнем во Франции (с. 70) и Узбекистане (с. 71). От себя добавим, что УК Австралии (принят в 1995 г., а его Общая часть вступила в силу еще позднее в 2001 г.) предусматривает уголовную ответственность начиная в 10-летнего возраста. ООН призвала это государство поднять этот порог до 14 лет, что было отвергнуто австралийскими властями.

Поэтому целесообразно понизить первоначальный порог ответственности в УК РФ от 13 лет хотя бы за убийство при отягчающих обстоятельствах, включая геноцид, террористический акт и диверсию, повлекшие человеческие жертвы (что в условиях СВО весьма актуально).

3. Автор диссертации, как и большинство современных правоведов, не отходит от весьма упрощенной трактовки Октябрьского переворота (именно так его именовали сами вдохновители и руководители вооруженного восстания 25-26 октября (по ст. стилю) 1917 года как захват государственной власти партией большевиков во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким (с. 36 и последующие). Между тем в результате революции к власти в России пришли не только они, но и левые эсеры. Сразу же в составе СНК был образован Народный комиссариат

юстиции (Наркомюст), который возглавил левый эсер И.З. Штейнберг. В недрах этого комиссариата была создана комиссия по подготовке Советского уголовного уложения, редактированием которого занимался другой левый эсер — А.А. Шрейдер. Подготовленный ими к марту 1918 г. кодифицированный уголовно-правовой акт хотя и не вступил в силу, но представляет значительный интерес с точки зрения генезиса советского уголовного законодательства, в том числе в разрезе рассматриваемой М.И. Синяевой темы¹.

4. С позиций морфологии и синтаксиса русского языка рецензируемый текст практически не вызывает нареканий. Увы, этого нельзя констатировать исходя из канонов грамотности *юридической*.

Вот тому конкретные доказательства.

В тексте приводятся «укороченные» названия Основ уголовного законодательства Союза ССР союзных республик 1958 года (с. 43, 96) и Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (с. 46, 184); утверждает-ся, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. был принят в условиях военного положения (с. 41), тогда как таковое положение было введено лишь 22 июня 1941 года, да и то не по всей территории Советского Союза, а лишь в отдельных его местностях.

Аналогичным образом следует оценить применение возрастной категории «малолетние» к лицам в возрасте от 14 до 15 лет (с. 99), а также суждение о том, что «уже в 2009 году *преступность* (курсив наш. — С.М.) существенно омолаживалась за счет малолетних, не достигших возраста уголовной ответственности» (с. 110). Еще более удивляет отнесение автором *любых* краж, грабежей, разбоев и и убийств к категории *особо* тяжких преступлений (с. 107).

Давно не соответствует действующему законодательству утверждение о том, что «пожизненное лишение свободы является лишь альтернативой смертной казни» (с. 142 — 143). Очередное опровержение этому тезису мы находим в пункте 1 статьи 1 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ. Также не

¹ См.: Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов, А.И. Чучаев; под ред. А.И. Чучаева. - М.: Проспект, 2015.-256 с.

соответствует действующему УК утверждение о неразрывной связи лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью с трудовой деятельностью и даже способностью к таковой (с. 144).

Некорректные утверждения допущены и в отношении зарубежного законодательства. Так, применительно к УК Республики Казахстан говорится о смертной казни (с. 73, 75, 76), тогда как она исключена из системы наказаний этой страны еще Законом РК от 29 декабря 2021 г. № 89-VII. Столь же некорректно утверждение о том, что в Белоруссии применение смертной казни запрещено к мужчинам, достигшим 60-летнего возраста (с. 75). На самом деле этот порог выше сразу на пять лет (ст. 59 УК Беларуси).

Досадная неразбериха допущена в отношении нумерации статей УК РФ. В некоторых случаях соискатель старается придерживаться официально принятого порядка нумерации вновь принятых статей и их частей в виде степени числа (с. 66, 93, 99), в других же (даже в отношении УК РСФСР 1960 г.) избирается широко бытующий порядок нумерации их через точку (с. 44, 66, 155, 163, 164) и даже не встречавшаяся нам ранее транскрипция через дефис (с. 45).

Отмеченные недостатки — каждый в отдельности и их совокупности — не могут серьезно сказаться на теоретической и прикладной ценности проанализированного труда и потому не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Возрастные показатели субъектов уголовно-правовых отношений» представляет собой самостоятельно выполненное монографическое исследование, которое можно считать завершенной научно-квалификационной работой, содержащей решение актуальной научной задачи, имеющей значение для науки уголовного права, совершенствования уголовного законодательства и практики его применения и, тем самым, соответствующей требованиям пунктов 9 — 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Российской Федерации от 24. 09. 2013 № 842 (в редакции от 18.03.2023), а ее автор - Мария Ивановна Синяева — заслуживает присуждения ей искомой ученой сте-

пени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Официальный оппонент

профессор кафедры уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» доктор юридических наук (специальность 5.1.4. - Уголовно-правовые науки (юридические науки), профессор



Сергей Федорович Милюков

28 мая 2023 г.

Адрес организации: 119186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

тел: (812)312-44-92

факс: (812) 312-11-95

E-mail: mail@herzen.spb.ru

Web: <http://www.herzen.spb.ru>

Эл. почта: dikoepoleSF@gmail.com



Ведущий документовед
Ю.В. Рубинчик

Подпись С.Ф. Милюкова заверяю:

В.В. Рубинчик